

УДК 572.1/.4

В. В. ГЛУЩЕНКО

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ВОПРОСА О НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В статье рассматривается история вопроса о начале человеческой истории как становление средств и методов его разрешения. Автор приходит к выводу о предопределенности постановки вопроса развитием науки XX века и исторического метода.

Ключевые слова: антропогенез, социогенез, прямохождение, речь, мышление, историзм, марксизм.

UDK 572.1/.4

V. V. GLUSHCHENKO

ON THE BEGINNINGS OF HUMAN HISTORY

The history of the question of the beginning of the human history is a history of the formation about means and methods of its solution. Its abstract root brings us to the foundations of modern European rational thinking. This question remained without attention from the side of the science community for a long time, but it was suddenly raised in the work of B. F. Porshnev in a very concrete form and with an already prepared arsenal of tools for its decision including the developed methodology and an extensive theoretical tools.

Keywords: anthropogenesis, sociogenesis, upright posture, speech, thought, historicism, Marxism.

«Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения» [1, с. 98], и неслучайно вопрос о начале человеческой истории в качестве научной проблемы был поставлен только во второй половине XX века. До этого всякие упоминания о начале человеческой истории находились на противоположном от науки полюсе знания. «Люди с самого начала...» – и далее шла сентенция, которую сама ее конструкция оберегала от критического анализа, предлагая брать на веру. Более того, сложилась устойчивая ситуация, в которой представление о начале человеческой истории превратилось в «своего рода водосброс, место стока для самых некритических ходячих идей и обыденных предрассудков по поводу социологии и истории» [2, с. 28]. Однако на сегодня предпосылки для изменения такой ситуации уже созрели, и только привычки мышления, известная косность идеологии мешают ей в корне измениться.

На наш взгляд, проблемы антропогенеза и социогенеза, происхождения человека и человечества, представляют собой не две, а одну проблему – проблему перехода от животного, которое не обладает социальностью, – во всяком случае в том смысле, в котором ею обладает человек, – к человеку как социальному существу.

«Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» [2, с. 13]. Вопрос о начале человеческой истории становится подлинно научным только с того момента, как была сформулирована эта проблема. Но чтобы ее сформулировать, нужно было, как минимум, иметь ясное представление о различных формах движения материи, а это значит, что у интересующего нас вопроса имеется долгая философская и научная предыстория, которая предопределяет, делает по-своему неизбежной постановку вопроса.

Еще основоположник новоевропейского рационализма Рене Декарт определил основным критерием, отличающим человека от животного, осмысленную речь, которая присуща человеку и которой лишены животные. «Это свидетельствует не только о том, что животные менее одарены разумом, чем люди, но и о том, что они вовсе его не имеют» [3, с. 284], – писал Декарт. Проблемой стало то, что Декарт этот критерий связал с дуализмом души и тела – «мыслящей» и «протяженной» субстанциями, – между которыми простиралась пропасть, и неслучайно дальнейшее развитие естественно стремящегося к монизму рационального мышления оказалось направлено на его отрицание. К сожалению, как это часто бывает, вместе с водой выплескивали и ребенка: вместе с отрицанием дуализма – отрицали качественное отличие человека от животного. В этом главная причина того, что для нескольких поколений естествоиспытателей штурм декартовой пропасти оказался безуспешен. Вместо того чтобы решать проблему, как из одного качества рождается другое, отрицающее первое, искали (а очень многие до сих пор ищут), наоборот, общие для животного и человека качества, развитие которых могло бы превратить первого во второго.

Долгое время замену критерию речи пытались найти в морфологии и анатомии. Так, в сравнительной анатомии искал ключ к загадке человека И.Г. Гердер, и ему казалось, что он нашел его в *прямохождении*. Гердер был уверен, что человеческий разум – следствие вертикального положения тела [4, с. 77–80]. Самое интересное, что находятся специалисты, которые до сих пор указывают на прямохождение как главный отличительный признак человека, в частности, к таковым относятся авторы научно-популярного интернет-портала «Антропогенез-РУ» – самого мощного русскоязычного пропагандиста антропогенетических идей. Но только преодолеть декартову пропасть, идя по этому пути, невозможно.

Это, конечно, не означает, что она непреодолима в принципе. Значительный вклад в дело ее преодоления внес советский психолог Л.С. Выготский, который доказал центральное место речи в человеческой психике. «Мысль не выражается, но совершается в слове» [5, с. 426], – эти слова, опубликованные в 1934 г., как потом оказалось, содержали в себе программу исследований советской психологической науки на долгие годы.

«Нужно было много лет, – начиная с исследований самого Л.С. Выготского, опытов А.Н. Леонтьева по развитию сложных форм памяти, исследований А.Р. Лурия и А.В. Запорожца по формированию производных движений и речевой регуляции действий и кончая теоретически прозрачными работами П.Я. Гальперина и Д.Б. Эльконина, – чтобы учение о формировании высших психических функций и формах управления ими, составляющие сердцевину советской психологии, приняло свои достаточно очерченные формы» [6, с. 76].

Остается только выразить сожаление, что большинство современных психологов – из идеологических, по всей видимости, соображений – находят возможным игнорировать или замалчивать результаты этих исследований и их теоретические выводы. Хорошей иллюстрацией здесь послужит не так давно опубликованная в России книга американского психолога Майкла Томаселло, который в специально написанном для русского издания предисловии хоть и расшаркивается перед памятью Выготского и даже утверждает, что «заимствовал у Выготского основополагающую гипотезу» [7, с. 26], на самом деле предлагает совершенно противоположную концепцию: у самого Томаселло мысль не совершается, а именно выражается в слове. При этом в тексте его работы ни имя, ни идеи Выготского (не говоря о ком-либо еще из представителей советской психологической школы) не упомянуты ни разу. Эту ситуацию пытается немного исправить научный редактор, но ее пояснения не звучат убедительно.

Средневековая традиция предписывала взгляд на историю человечества через призму «священной истории», соответственно, начиная ее развитие с «грехопадения». Рациональное мышление Нового времени уже не могло принимать эту традицию всерьез, о чем нам свидетельствует статья И. Канта «Предполагаемое начало человеческой истории» [8, с. 72–88] (1786). Кант анализирует библейский сюжет в полушутливом тоне, но не без претензии на долю правды. В истории «грехопадения» он видит аллегория перехода человека от дикости, подчиняющейся «божественному» *инстинкту*, к свободе, которую отныне, на протяжении истории, человеку предстояло развивать, учась жить в *обществе*.

Несмотря на религиозную форму, а отчасти и благодаря ей, Кант подошел к вопросу о начале человеческой истории ближе, чем Гегель, для которого история человечества начинается только вместе с возникновением государства, а все, что ранее – это доистория, о которой достоверно ничего неизвестно. Фактически вопрос о начале человеческой истории Гегель в своей философии истории обходит, а то, что у него называется началом истории, относится к ранним государствам Востока [9, с. 155].

Но постепенно факты, которые можно было связать с доисторией, в науке накапливались. Во-первых, это – археологические артефакты, во-вторых – наблюдения этнографов за племенами, не перешедшими ступени дикости. Если сведения Гегеля о «неграх» и прочих «туземцах» обрывочны и нелепы, то уже во второй половине XIX века сдвинулась с места лавина этнографических знаний, продолжавшаяся весь XX век. Правда, вместе с этим возникла и существенная проблема для понимания начала человеческой истории, на которую указал Б.Ф. Поршнев и которую он называл «проблемой этнографических параллелей» [10, с. 95]. Дело в том, что археологи бывают излишне склонны использовать почерпнутые из

этнографии аналогии. «Между тем этнографические аналогии могут быть и бывают иллюзорны. Нет на земле племени или народа, на самом деле и безоговорочно принадлежащего к древнейшей первобытности. Весь род человеческий произошел в одно и то же время, все живущие племена и народы имеют одинаковый возраст, у каждого человека в общем столько же поколений предков, как и у любого другого. Не было и нет также полной изоляции, чтобы, в то время как одни народы двигались своими историческими дорогами, другие пребывали в полном историческом анабиозе. Ошибочно даже само представление, будто в первобытной древности существовали вот такие же, как и сейчас, относительно обособленные племена на ограниченных территориях, в известной мере безразличные к соседям, к человечеству как целому. Иными словами, даже самые дикие племена – не обломок доистории, а побочный плод и продукт истории. Стоит изучить их языки, чтобы убедиться в том, какой невероятно сложный и долгий путь лежит за плечами этих, повторим, столь же древних, как и мы, людей» [10, с. 96].

Если к достижениям в психологии, археологии, этнографии добавить некоторые достижения культурной антропологии, лингвистики, социологии, семиотики, истории, то мы получим список гуманитарных наук, сведения из которых составили первичную базу данных для поисков в ней ответа на вопрос о начале человеческой истории. Ответ этот способен повлиять на весь комплекс наук о человеке и человеческом обществе, «вся совокупность гуманитарных наук имплицитно несет в себе это понятие начала человеческой истории» [2, с. 28]. И неслучайно Б.Ф. Поршнев рассматривал свою работу «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» в связи с перспективой «синтезировать комплексную науку о человеке, о людях» [2, с. 14].

Но не только гуманитарные знания сыграли свою роль для научной постановки интересующего нас вопроса. Поскольку существо вопроса – это прохождение грани между животным и человеком, биологическим и социальным, она была бы невысказана без достижений естественных наук. Решающим среди них был прорыв в физиологии нервной деятельности, связанный с именами наших знаменитых соотечественников: И.М. Сеченова, Н.Е. Введенского, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, которые разработали введенное Декартом «понятие рефлекса как основного акта нервной системы» [11, с. 20]. Из числа иностранцев к ним необходимо добавить Ч. Шеррингтона. Важными также оказались достижения в общей биологии, зоологии, этологии, экологии, палеонтологии. А если начать говорить уже не о постановке, а о возможностях решения вопроса, то естественные науки и вовсе выходят на первый план. Именно понимание речи как инструмента второй сигнальной системы, оказывающей постоянную отрицательную индукцию на первую сигнальную систему – рефлексы, которым мы обязаны Ивану Павлову и его школе, позволяет окончательно перевести вопрос о начале человеческой истории в научную плоскость.

Однако, помимо средств, для научной постановки и перспектив разрешения вопроса крайне важен метод. Тут мы снова обращаемся к гуманитарному знанию, потому что метод, позволяющий адекватно сделать это, не может не опираться на основополагающий принцип философии истории – *историзм*. Вне идеи всемирно-исторического развития вопрос о начале истории не мог бы возникнуть, он просто не имел бы смысла. И поэтому вопрос о начале человеческой истории не мог быть научно поставлен раньше, чем появился марксизм, в котором принцип историзма достиг своей зрелости. Только с появлением марксизма идея всемирно-исторического развития, включающего в себя развитие прежде всего самого *человека*, приобрела собственную научно-методологическую базу.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что научная постановка вопроса о начале человеческой истории предопределена в самом основании новоевропейского рационального мышления, но не могла осуществиться без достижений науки XX века и марксистского понимания истории.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960.
2. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007.

3. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1 (Философское наследие; т. 106). М., 1989.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2008.
6. Лурья А. Р. Теория развития высших психических функций в советской психологии // Вопросы философии. М., 1966, № 7.
7. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
8. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения. В 8 томах. Т. 8. М.: Чоро, 1994.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
11. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Л., 1949.

References:

1. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. Volume I. // K. Marx and F. Engels, Works. Ed. 2nd. 23. Т. М., 1960.
2. Porshnev B.F. Beginning of human history (problems paleopsychology). St. Petersburg: Aletheya, 2007.
3. Descartes R. Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences // Descartes R. Works in 2 volumes. Volume 1 (Philosophical heritage; v. 106). М., 1989.
4. Herder I.G. Ideas of the philosophy of history. М., 1977.
5. Vygotsky L.S. Thinking and speech. М.: АСТ, 2008.
6. Luria Is A. Theory of the development of higher mental functions in Soviet psychology. // Problems of Philosophy. М., 1966, number 7.
7. Tomasello M. Origins of human communication. М.: Languages of Slavic Cultures, 2011.
8. Kant I. Alleged beginning of human history // Kant I. Works. In 8 volumes. Т. 8 М.: Choro, 1994.
9. Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of History. St. Petersburg: Science, 1993.
10. Porshnev B.F. About the beginning of human history // Philosophical problems of historical science. Moscow, 1969.
11. Pavlov I.P. Lectures on the work of the cerebral hemispheres. L., 1949.

УДК 2-335

В. В. КОРШУНОВ

РЕЛИГИОЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНЦЕПЦИИ НИКОЛАЯ ЛОССКОГО

В статье рассматриваются религиозные воззрения Ф.М. Достоевского, их становление и выражение в концепции Н. Лосского. Обозначаются главнейшие принципы и мировоззренческие постулаты, на основе которых создалось творчество великого русского писателя. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого знакомства современного российского общества с творчеством писателя, выражающим в себе главнейшие принципы христианства, его морали и нравственности.

Ключевые слова: религиозные взгляды Ф.М. Достоевского, философская концепция Николая Лосского.

UDK 2-335

V. V. KORSHUNOV

RELIGIOUS VIEWS OF F.M. DOSTOEVSKY'S IN PHILOSOPHICAL CONCEPT BY NICHOLAS LOSSKY

The article is devoted to the questions of religious views of F.M. Dostoevsky's philosophical concept by Nicholas Lossky. Main principles and ideological postulates based on work of the great Russian writer is denoted. Relevance of research is caused by necessity of deeper exploration of modern Russian society with the works of the writer where the main principles of Christianity, its morals and ethics are expressed.

Keywords: religions views, Dostoevsky, concept by Nicholas Lossky.